

ЦИТАТНИК ЛИБЕРАЛА-НАРОДОЛЮБЦА

(наиболее характерные избранные цитаты из статей, речей, докладов и писем

А.И. Шингарёва за 1901 – 1917 гг.)

В избу вход из сеней, прямо против входа помещается русская печь, занимающая значительную часть помещения, кругом стен идут лавки, в правом, а иногда в левом углу от входа стоит один обеденный стол, в углу против отверстия печи небольшой поставец или полки для посуды. От печи к противоположной стене фасада идут под потолком полаты, встречающиеся, впрочем, далеко не во всякой избе. Таково несложное внутреннее устройство жилья, почти лишённое всякой мебели за исключением одной-двух деревянных скамеек, без намёка на какое-либо убранство или украшение, кроме образов в углу над столом. Даже лубочные картинки здесь большая редкость, а какие-либо оконные занавески, фотографии или комнатные цветы, нередко выглядывающие [из окон] в деревнях фабричных районов, – в Ново-Животинном совершенно отсутствуют. Немного домашней посуды, кое-какая одежда, зимою – прялка или ткацкий станок дополняют убогую картину крестьянского жилья.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Такая примитивная «русская» печь призвана отправлять, и отправляет с грехом пополам, многообразные функции в домашнем обиходе. В ней варят пищу, пекут хлебы, греют воду для стирки белья. Зимой она согревает помещение, на ней спят, сушат промокшую одежду, сбрую, в ней же, наконец, и... парятся изредка, как в бане, за неимением ничего другого. Занимая много места в избе и отнимая значительный объём воздуха, она уже одними своими размерами указывает на величину возложенной на неё миссии.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

В больших избах, где со значительным численным составом семьи живёт обыкновенно и больше скотины, порча воздуха достигает крайних пределов. Если при этом добавить, что больные, старые, хилые и малолетние члены семьи также отправляют свои нужды в избе, иногда прямо на пол, что в этой же избе «мычут намыки», т.е. треплют мятые стебли конопли, чтобы отделить волокна от мелкой кострики, что здесь же стряпают, сушат одежду, обувь и сбрую, курят махорку, то станет вполне понятным качество воздуха зимой в избе. Когда дверь долго не отворялась, а печка ещё не топлена, т.е. рано утром после ночи, воздух во многих избах бывает так плох, так зловонен и переполнен всевозможными испарениями людей, животных, земляного пола и грязной одежды, что у вошедшего с улицы непривычного человека захватывает дух, начинается кружиться голова и теснит в груди чуть не до обморока. Это и есть, по всей вероятности, тот сказочный «русский дух», который везде различишь, и в котором, по народной поговорке, «хоть топор вешай».

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

При крайней нехватке главного горючего материала – соломы – топить приходится как можно меньше и как можно скорее закрывать печь, не упуская дорогого тепла. Освежать в избе воздух, нарочно открывать дверь, или сделать в окне форточку не придёт в голову ни одному даже более или менее культурному домохозяину деревни. В его глазах это значило бы упускать из избы тепло, т.е. совершать непростительную глупость. Пускай в избе душно и сыро, зато тепло, то и хорошо: «пар костей не ломит» – по сложившейся народной поговорке.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Внутреннее убранство жилья вполне соответствует его общему состоянию. Здесь не найдёшь ничего, что указывало бы на какое-либо стремление к комфорту, на какую-либо потребность в украшении, и если судить только по этому одному, – можно было бы предположить, что такие стремления как бы отсутствуют у жителей, или заглохли, задавлены суровыми житейскими невзгодами. Голые стены, лавки, стол, полати, поставцы с кухонной утварью, немного одежды и кое-какие предметы домашнего обихода – вот и всё, что есть в избе.

Почти единственная мебель – обеденный стол – служит в то же время для стряпни; на нём же производятся разные домашние работы, чинится сбруя, шьётся верхняя одежда и бельё. Он почти никогда не покрывается скатертью в будни. Скатерть на столе во время обеда только по праздникам. Кроме того, стол покрывается скатертью и на ночь под праздники, на стол ставят кусок хлеба и солонку с солью. По словам крестьян, это делается «для святых», т.к. святые угодники и Божья Матерь ходят по избам ночью, почему им и следует ставить хлеб и соль. Впрочем, кое-кто из хозяек вскользь упоминали, что под праздник стелется скатерть и ставится хлеб с солью, чтобы не рассердить домового. Скатерть, однако, в Ново-Животинном имеется далеко не у всех, и в 23 избах её не оказалось, т.е. 25% всех домохозяев обходится без скатерти и не могут постилать её даже «для святых»... Обеденный стол около трех четвертей ширины и 1,5 аршина длины стоит всегда в углу перед образами, около стеновых лавок. Далеко не во всех избах есть ещё скамейки или табуретки. Если семья невелика, то за обедом все члены её сидят за столом на лавках или скамейках. В больших семьях, где все не могут поместиться, за столом сидят только взрослые мужчины и старухи; бабы и девки обедают стоя и берут ложками еду из общей миски через головы сидящих; маленькие ребята помещаются по лавкам поодаль от стола.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Если расположить по этому признаку домохозяев, в избах которых встречаются клопы, то окажется, что процент изб с клопами у домохозяев зажиточных с трёх- и четырёх-душевыми наделами больше в два и даже три раза, чем у менее состоятельных с наделом на одну и на две души, а в избах безнадельных крестьян клопов вовсе не встречается. Таким образом, клоп до известной степени – аристократ и требует для себя больше комфорта, чем это могут дать ему деревенские бедняки, и присутствие его отчасти указывает уже на некоторую зажиточность. Возможно, что большее количество подушек и постельных принадлежностей играет тут главную роль. Не менее любопытно распределение тараканов. Они... встречаются в 90,7% всех изб и пользуются, таким образом, огромным распространением, требуя для себя, по-видимому, значительно меньше удобств, чем клоп, и довольствуясь более скромными условиями, но в 9,3% всех помещений нет всё-таки и тараканов.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Таким образом, величину этого надела (т.е. число душ в наделе) должно принять за самый основной экономический признак хозяйства, регулирующий все остальные... Отсутствие у многих хозяев достаточного количества земли обуславливает у них же и крайнюю экономическую необеспеченность, хотя занятие земледелием вовсе не так и выгодно на песчаной истощённой почве, хотя и сам размер душевого надела – «нищенский».

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Бывает, что вскармливают ребёнка «чаем и постным кулешом». Сообразуются при выборе пищи отнюдь не с возрастом ребёнка, а с наличной пищей. «Рожок» – это иногда, буквально, рожок, т.е. пустой коровий рог с привязанной к нему гуттаперчевой соской, иногда пузырьёк с соской. Пузырёк этот моется редко, соска – ещё реже, и молоко скисает, как только попадёт в рожок. Ребёнок усердно сосёт жидкую сыворотку, на дне остаётся творог. Иногда «для сытости» прибавляется в рожок жвачка или каша... С шести месяцев ребёнку дают всё, что едят сами: щи, картофель, хлеб...

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Целый ряд дворов, не имеющих возможности купить капусты, огурцов, мяса; целые семьи – без молока в течение круглого года! Да разве это не хроническое недоедание, не ужасная постоянная нищета, питающаяся ржаным хлебом, изредка кашей, и опять-таки хлебом и больше ничем? Не могу здесь передать того тяжёлого впечатления, которое на меня произвёл опрос нескольких домохозяев, где не было капусты. Что мяса мало едят в деревне – для меня, родившегося и выросшего в деревне, – это было давно известно, что есть семьи, лишённые молока, предполагалось известным уже *a priori*, но чтобы в крестьянской семье не было зимой кислой капусты, я уже никак не ожидал. «Да как же вы щи варите?!» – невольно вырвался у меня наивный вопрос, так твёрдо я верил, что традиционные щи, хотя бы и без мяса, должны быть везде. «Щи, – отвечал мне равнодушным голосом старый больной хозяин, – да мы их вот уже года полтора не хлебали»...

Кажется, незачем в этих случаях высчитывать белки, жиры и углеводы, суточные нормы и прочее, что следует по гигиене, и уже заранее можно сказать, каковы будут эти нормы!

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

В Ново-Животинном затрата на свадьбу для многих семейств очень затруднительна, и многие мужчины откладывают его до более позднего возраста, ожидая благоприятных экономических обстоятельств, к тому же при отсутствии во многих семьях земледельческих занятий – новый член семьи уже является не столько лишней работницей, сколько лишним ртом, требующим прокормления.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Повышение [площади] земельного надела (а с ним и всех экономических признаков) увеличивает прирост населения. Таким образом, влияние экономического фактора на жизненность населения приобретает характер биологического закона.

1901 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Таким образом, самым насущным, самым необходимым и совершенно неизбежным мероприятием для обоих селений, и особенно для Ново-Животинного, если только серьёзно говорить об их оздоровлении, я считаю осуществление мечтаний самих жителей – приобретение ими достаточного земельного имущества. Как истые общественники-землепашцы, как настоящие представители тех русских крестьян, которые по художественным изображениям нашего великого народного бытописателя Глеба Ивановича Успенского подчинены власти земли, животинские и моховатские обыватели ежеминутно, ежесекундно, во всех своих разговорах и рассказах об их горестях, не перестают употреблять слово «Земля, земля, земля... Душа, душа, душа...», до бесконечности варьируя сочетанием этих слов и эпизоды своего грустного прошлого и настоящего и свои надежды, – ибо надежды есть и у них – на лучшее будущее. Без земельного обеспечения едва ли возможно говорить об улучшении их санитарного благосостояния. Чего ждать там, где люди хронически голодают, где жизнь наполнена непрерывной и безуспешной борьбой за самый малый и плохой кусок хлеба, где население вымирает и вырождается.

1907 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Несомненно, что Ново-Животинное и Моховатка, ставшие предметом земского исследования, далеко не одиноки. Под покровом долго висевшего на Руси непроницаемого канцелярско-бюрократического «благополучия» существовали и существуют в обширной империи тысячи им подобных Нееловых, Гореловок, Неурожаек, Голодовок и прочих селений и деревень. Они, очевидно, будут и дальше продолжать своё существование до полного разорения и вымирания. А вместе с тем многие ещё думают, что «на Шипке всё спокойно», ещё не так давно голодовки назывались лишь «недородами», финансовые отчёты империи дышали благополучием и обилием средств, а подневольная печать и население «на всех языцах все молчали – бо благоденствовали». Смущающие [покой властимущих] земские исследования были приостановлены...

1907 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

В то время русское общество напряжённо переживало тяжёлые и тревожные дни. Кровавая эпопея на Дальнем Востоке, с рядом удручающих в ней неудач, внутреннее неустройство России и колеблющиеся настроения правящих сфер вместе с широким подъёмом общественного самосознания, грядущие и неизбежные серьёзные реформы существовавшего порядка вещей и бессилие отживавшего бюрократического строя, – всё это заставляло глубоко задуматься всякого мыслящего русского человека, захватывало всё его внимание и призывало к посильной общественной работе.

Больше, чем когда-либо, казалось мне, на каждом работнике лежал определённый общественный долг, каждый должен был принять участие в широкой «переоценке ценностей», неизбежной в совершающемся переломе русской жизни, открыто и громко заявить о полной негодности существующего всевластного бюрократизма, указать вопиющие факты постепенного разорения народных масс.

1907 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

Интересы 130 тысяч [дворян-]землевладельцев были ярко оттенены в руководящей речи председателя Совета министров во Второй Думе, и изданный после её роспуска новый избирательный закон выразил эти землевладельческие интересы в необычайной, доминирующей степени. Всё было поставлено на карту, всё диктовалось и 8 июля 1906 года, и 3-го июня 1907 года принципами сохранения частной собственности на землю.

В последнем случае не остановились даже перед нарушением Основных законов.

Горьким опытом пришлось убедиться русскому обществу, какие невероятные затруднения приходится переживать стране при разрешении не только политических, но главным образом, социальных задач. В тесной, неразрывной связи их друг с другом лежат и дальнейшие причины грядущих потрясений.

1907 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

В своей декларации председатель Совета министров допускал необходимость несколько туманного *качественного* принудительного отчуждения помещичьей земли и резко возражал против какого-либо *количественного* принудительного отчуждения. Довольно трудно установить вполне определённо, что подразумевалось им под «качественным» отчуждением земли, но мне кажется, что и вообще грань между качественным и количественным отчуждением незаметна и неопределённа.

Если «качественное» отчуждение необходимо тогда, когда на существующей крестьянской земле немислимо ведение хозяйства, если возможно отчуждать землю для устранения чресполосицы, устройства прогона и водопоя, то, конечно, ещё более допустимо принять в расчёт кроме того ещё случаи, когда *немислима сама жизнь человеческая* на существующих крестьянских наделах, а при этом грань между качественным и количественным отчуждением частной земли должна и вовсе исчезнуть.

1907 г.

(Вымирающая деревня. СПб.: Общественная польза, 1907. Изд. 2-е)

...Мы от понимания этого строя, как конституционного, не отказываемся и мы, господа, по долгу совести, отказаться от этого не можем. Мы не можем отказаться именно потому, что в этом строе, по нашему глубокому убеждению, ...лежит залог умиротворения и величия страны. Это единственный для нее исход, и сколько бы нам отсюда [справа], с этих скамей ни грозили о будущих миллионах[погибших] русских людей, сколько бы они ни пророчили нам о страшном взрыве, таящемся в недрах этого народа, мы не боимся ваших ужасов, господа революционеры справа... Ради мира и благоденствия России мы не можем отказаться от слов «конституционный

строй», ...мы уверены, что великий государственный смысл народного представительства пошел по этому правильному пути.

1907 г.

(Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 1. Стенографические отчеты)

Открытие [II] Думы пришло и прошло. Прошло оно как-то чинно, сдержанно, грустно. Подъема прошлого года как не бывало. Горькая действительность спешила отравить торжественные минуты. Кругом все оцеплено войсками, пропускают только по билетам через тройной ряд полицейского контроля. Конные жандармы и драгуны с винтовками так мало гармонируют с началом работы народного представительства. Не создалось подъема души, но нет и острого негодования и протеста. Всё так понятно, так знакомо. Сильный протест растет на почве общественных надежд – их не было у нас; он развивался бурно при обманутом доверии, но мы ехали и заранее уже отказывали в доверии министерству Столыпина. Все шли сумрачные, шли на медленную, сдержанную, но упорную борьбу. Отсутствовал сильный порыв, но была настойчивость и выдержка. Кто-то сравнил первую Думу с первой любовью. Второй раз не любят так ярко, так беззаветно, так искренне. Обманы и разочарования прошлого стискивают душу... И это сравнение, пожалуй, верно. Народная душа была обманута, и если он не восстал в гневе за свою поруганную честь, то он и не склонился ниц пред насильниками...

1907 г.

(Из письма)

...Занят я теперь по горло. Часто пишу только во время [пленарного] заседания Думы. Вчера был занят сплошь до глубокой ночи, приходится вглядываться и вдумываться во все вопросы, и многие из них совершенно новы и почти незнакомы. Много даже приходится пропускать из-за невозможности всё успеть, везде побывать. Идут комиссии, идет частое собеседование с крестьянами, идет подготовительная работа к докладам и, наконец, приходится вести и газетные статьи. Я никогда еще не был так сильно занят, но в силу разнообразия занятий я почти не устаю...

1907 г.

(Из письма)

Вчера открылась [III] Дума. Она уныло-черная. Зубры, зубры и зубры. Что из всего этого выйдет – сейчас и понять невозможно. Ясно, что предстоит очень долгая, очень упорная и почти безнадежная работа... Выдержать эту линию тяжело, но я полон энергии и желания работать. Меня угнетает только, что наши кадетские лидеры, особенно Милюков, Набоков и Гессен слишком тянут вправо, а Протопопов брякнул даже об изменении аграрной программы. Не знаю временно это или нет, но эти течения меня и смущают и раздражают.

1907 г.

(Из письма)

Все время я занят сплошь бюджетом. Мне приходится отдуваться теперь вовсю. Начались бюджетные прения в Думе, продолжает успешно работать и бюджетная комиссия, где я пропадаю с утра и до вечера. В силу удивительно малой осведомленности ее членов и малому желанию их работать я в бюджетной комиссии считаюсь чуть не главным специалистом. Правда очень многое

мне достают сочлены и специалисты партийные, готовят вопросы и легко выступать с их помощью, но у остальных, по-видимому, ничего подобного нет, а потому наша партия все больше и больше приобретает значение деловой. Лично ко мне начинают относиться с таким почтением, что просто смешно и досадно. До какой степени убог этот уровень, если в нем возможно только одной работой, не будучи ни глубоко осведомленным, ни тем паче образованным в бюджетной области играть решающую роль... Я всё больше и больше убеждаюсь в правильности основной моей точки зрения о том, что из бюджетной работы вырастает настоящее народное представительство. Здесь формируется то будущее, которое оздоровит политический горизонт и уменьшит партийную распрю.

1908 г.
(Из письма)

Я не верю в способность наших военных сил сопротивляться на Амуре, ни в скорое сооружение [Амурской железной] дороги, ни в возможность сейчас тратить такие громадные деньги на нее. Все может пойти Китаю, все будет отобрано, мы вновь можем пережить позор и разорение, ибо сила обороны в народе, в культуре, в богатстве, а не в затратах на дорогу при безграмотности солдат и нищете населения. Кажется, всё это так ясно, так просто – и тем не менее всё это идет мимо глухих ушей, слепых глаз. Они даже не чувствуют страшную ответственность за свои предприятия... Я постараюсь им всё это сказать, хотя конечно бесплодно, гласом вопиющего в пустыне...

1908 г.
(Из письма)

И Третья Дума дала другую внешнюю картину, ту самую однотонную, черную, сюртучную, выхоленную и чистую толпу новых депутатов, которую с полной справедливостью сравнивали с многочисленным собранием какого-либо губернского, сплошь дворянского земства.

На этом основном, немного унылом и траурном фоне терялись поредевшие больше чем вдвое представители крестьянского «сословия», исчезли национальные и яркие костюмы, и только сильно выросшая группа православного духовенства как-то не нарушала общего выдержанного тона.

И эти новые крестьянские фигуры! Как мало в них осталось типичного, вековечного Микулы Селяниновича. Тонкого сукна поддевки, лакированные сапоги, цепочки массивных часов, самодовольный вид знакомого облика деревенских воротил, мирских главарей, кулаков, старшин с солдатскими георгиевскими крестами, и лишь изредка настоящий, скромный и серый земледелец, истинный представитель народной нужды.

1908 г.
(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908.
№ 2)

У нас как-то всегда роковым образом не знали предела именно в периоды реакционных волн. У нас очень робко и нерешительно принимались за необходимейшие реформы, побуждаемые народным недовольством, и очень быстро били отбой, объявляли о невозможности вводить реформы в период волнений; затем переходили к «успокоению» этих волнений целым арсеналом репрессивных мер, применяли их широко, неукоснительно, с поразительной энергией и

настойчивостью, часто без разбора и без удержки. Когда же удавалось получить полицейское успокоение, или когда утомленное бесплодной и неравной борьбой само население теряло охоту к «политике» и возвращалось к мирной обывательской жизни Щедринских пескаррей, – тогда о необходимых реформах и вовсе забывалось до... нового проявления недовольства обывателей, до какого-нибудь крупнейшего государственного несчастья. Формула «пока гром не грянет» получила в нашей исторической жизни какое-то роковое значение. От волнения или несчастья – к реформам, от недоконченных и заподозренных реформ – к мерам «успокоения» и, наконец, к полному забвению реформ – так вертелась наша скудная государственная жизнь, точно в заколдованном кругу или беличьем колесе.

1908 г.

(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908.

№ 2)

Ведь остается же серьезной угрозой мирному течению русской жизни отрицание самой возможности «привить к русскому историческому стволу иноземный цветок». Конечно, это лишь красивая метафора, да к тому же еще и лишенная соответствия с истиной, ибо весьма много и зело непривлекательных цветов запада в различных областях пытались и пытаются привить у нас с неослабной энергией; исторический ствол русской жизни уже во многих случаях покрылся иноземными культурами самого разнообразного вида и формы. Но в противоположении этой метафоры попыткам умереннейших октябристов, в резком тоне ответа министерской декларации звучит что-то несравненно большее, чем простая метафора, и эти отзвуки пока не заглушены еще ни приветственным маршем на рауте, ни дружным хоровым пением «объединенных» центров [Государственного] Совета и Думы...

1908 г.

(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908.

№ 2)

В министерских же проектах вопрос о малоземелье, об остроте крестьянской нужды отошел куда-то на задний план, если вовсе не исчез. В них все захвачено доминирующей идеей силы и значения мелкой частной собственности на землю, все приноровлено к устройению хуторов, отрубных участков и прочих аксессуаров будущих лояльных «крепких работников земли».

Обеспечение земель малоземельных и безземельных, смягчение земельного голода русского крестьянства и уменьшение остроты кризиса как-то затерялось, забыто под давлением господствующей культуры иноземного цветка, усиленно прививаемого к исконному народному стволу.

Что дают в совокупности эти земельные законы, изданные столь поспешно без участия народных представителей в период междудумья?

Их содержание известно давно, нового к нему прибавить почти ничего не приходится... Все они связаны в одно целое, все проникнуты основной погоней за побочными политическими целями, не имеющими ничего общего с разумной земельной программой. Знаменитый указ 9 ноября, определяющий право выхода и выдела из общины, не справившись с крупными затруднениями в этой области, создает какое-то чересполосно-общинно-личное землевладение и грозит в будущем крупнейшими неурядицами на местах.

1908 г.

(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908. № 2)

Трудно представить себе, чтобы в такой среде своеобразных культуртрегеров, сменивших прежнее культурное земство, в этой атмосфере раздраженной классовой злобы, при полном поклонении системам надзора и нагайки, при убогом политическом горизонте, вполне удовлетворяющемся Мымрецовской формулой «тащить и не пущать», могло зародиться и окрепнуть – требование здоровой реформы выродившегося самоуправления. И надежды на такую реформу пока остаются весьма сомнительными, в то время как рыцари кнута и свистопляски получают полное удовлетворение своих домогательств.

1908 г.

(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908. № 2)

Можно быть честным и мирным гражданином, можно страдать и мучиться болью своей родины, можно страстно желать ее обновления, могущества и развития, можно жаждать все силы души положить на культурную работу во имя блага своей отчизны и своего родного народа, но... Достаточно простого усмотрения, личной неприязни, местных сплетен, добровольческой клеветы охранников или перепуганных собственников, – и уже погибли намерения, никакая культурная работа человеку становится невозможной, и нет сил одолеть неведомое, незнаемое, неустранимое и бесформенное, что плетется вслед за человеком, отравляет его жизнь, гасит и озлобляет душу и умерщвляет силы. Даже самые мысли о культурных начинаниях ликующему стану «победителей» и их наемным писакам кажутся новой революционной интригой, новым подвохом, который будто бы разгадан охранителями. Гибнут культурные работники, отстраняемые от работы, и гибнет родина без культурных учреждений.

1908 г.

(Новая Дума и старые думы (Впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. 1908. № 2)

...Страшный протест нарастает в массах! Фракция это видит и понимает и должна быть выразительницей этого протеста. И ко всему этому нужно прибавить еще народно-хозяйственный крах, о котором с ужасом думает даже правительство, которого боятся даже бюрократы – они боятся того, что ждет страну, боятся, что у их колес иссякнет вода, что они не справятся! И та точка зрения, что на III Думу нет надежды, что следует поэтому сократить программу, – неверна! Мерить работу оппозиции цифрами сокращения тех или иных расходов [бюджета] нельзя. Кто бы ни был в Думе, до самих умеренно-правых, раз среди них есть искренние и честные элементы, он не может остановиться без ужаса перед картиной грядущего разорения. Эту картину фракция должна перед ними развертывать, и в этой позиции ее сила огромная, ее влияние в этом отношении учету не поддается.

1908 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Ведь, если не «беречь Думу» (специально к этой цели, — оговариваюсь, — [наша] фракция никогда и не шла), то значит ли это, что надо «срывать Думу». Допустим, сорвали — ну, а потом, что вы будете делать? Сможете ли вы говорить к народу? Увы, я знаю русскую жизнь и утверждаю, что дальше будет глубокое могильное молчание, равнодушное, бездеятельное отношение не только к разгону Думы, а к уничтожению всякого следа конституции. Я, господа, не люблю играть впустую, делать что-либо, не предвидя результатов, и потому я спрашиваю, чем вы подпираете ваши симпатии к срыванию Думы? Ведь вы нам о последствиях ничего не говорите, фактов и определенных указаний не даёте. Вы сами не знаете, что за этим должно последовать; значит, и оснований рекомендовать нам какой-то особенный решительный образ действий у вас нет.

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Конечная цель думской работы — не борьба фраз и различных партийных программ, конечная цель — благо страны. И вот, вы отбрасываете в сторону всю громадную подготовительную работу, которая кажется вам мелочной; вы посмеиваетесь над «поправочками», упрекаете нас в том, что мы ещё ровнничего не достигли. Но вы противоречите сами себе, забываете свои собственные слова о воздействии на народ через Думу. «Хуже не будет», — говорите вы, но как же не хуже, если не будет того, о чем вы сегодня говорили, что вы хвалили, — если не будет работы фракции. В мертвой стране, с выводом «не знаю», к которому вы пришли, вы готовы забросить и то, что ещё делается...

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Резюмировать нынешнее положение я позволю себе в следующих кратких тезисах: 1) Бюджет является по-прежнему одной из главных областей борьбы оппозиции за действительное осуществление конституционных начал; 2) Бюджет 1910 г. несколько по своему характеру не отличается от бюджетов предыдущих лет. Не изменилось и отношение правительства к главным пожеланиям Думы. Задача оппозиции в текущем году в области бюджета сводится главным образом к двум моментам: а) К проведению фракционного законопроекта о расширении бюджетных прав Думы и б) К бездефицитности росписи 1910 г. путем сокращения расходов и более точного учета доходов. Последнее является единственным средством настоять на отклонении каких-либо бесполезных или вредных ассигновок. Раз не будет у правительства займа, не будет и возможности провести ему расходы каким-либо сверхзаконным путем. Это может явиться огромным конституционным козырем в руках оппозиции, и на этот путь мы должны стать.

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

У нас уже неоднократно поднимался вопрос, не лучше ли и нам перейти на эту безответственную позицию? Не уйти ли и совсем из Думы? Однако вот уже у нас в Думе есть группы, стоящие на такой позиции, и разве мы можем сказать, что их тактика дает стране большое удовлетворение? Не думаю, — по крайней мере это не из чего не видно. Притом же ответственность, которая на нас лежит, вовсе не так легко сбросить, как кажется. Правда,

практические результаты нашей деятельности в Думе могут быть незаметны, но разве эту деятельность можно учитывать только с точки зрения практических результатов? Не менее важно то настроение, которое создается в стране в результате думской деятельности... Корень всех наших бед очень прост: народные массы не подготовлены к тому строю идей, которым живем мы. Пока массы не вовлечены в этот круг идей, до тех пор результатов не будет. Как же их вовлечь? Только одним путем — широкою популяризациею думской деятельности.

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Виленский представитель предлагал здесь нам ждать «чуда» и готовиться к нему. Довольно затруднительно обсуждать практические детали чуда, да и вообще чудес на свете не бывает, а в области государственной жизни этот термин звучит иронически; им, очевидно, хотят обозначить нашу революцию. Эта революция перевернула всю Россию «от Урала до Кавказа», от Польши до Сибири и т.д., а это ведь не то, что однородная по своей культуре и по своим общим условиям Франция XVIII века. Мир, пожалуй, еще не знал таких революций. Но вот эта-то грандиозность и сложность нашей революции и делает невозможным ее частое повторение; революцию и ее последствия мы так же мало можем учитывать, как и войну, — и сейчас естественнее ждать не чуда, а именно отсутствия его. Такого рода чудеса могут не повторяться десятки лет, в особенности у нас, при громадных территориях и разноплеменности населения — и нам важнее быть готовыми не к чуду, а именно к отсутствию чудес... При обсуждении указа 9 ноября 1906 г. (об общине) мы были жестоко побиты, все наши поправки отвергнуты, но если бы вы знали, как откликнулось на наши выступления население, какая сильная тяга почуялась к нам с мест, откуда и сейчас еще на имя П.Н.Милюкова и других членов фракции поступает много писем от крестьян-общинников, — то вы бы поняли, что только продолжая работу нашу в том же направлении, мы можем иметь реальную связь с массами.

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Повторяю: очень важно, чтобы сведения о бюджетной работе возможно шире популяризовались на местах... Знакомство с этими вопросами у нас совершенно отсутствует. В Москве мне приходилось бывать в торгово-промышленных сферах, и меня поражало, как мало осведомлены даже очень крупные коммерсанты в вопросах государственного финансового хозяйства. В широкой же публике и совсем ничего не знают. Вот почему ознакомление населения с бюджетными вопросами составляет настоятельную, чисто государственную задачу местных деятелей.

1909 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2)

Господа, землеустройство и закон 9 ноября [1906 г.], который положил в основу свою частную собственность на землю, если бы он остановился только на этом, может быть, не был бы так плох, но он пошел дорогой убийственной, он пошел насильственным путем, он пошел путем разрушения и он создал нестерпимые противоречия. В деревне, господа, давно пропал внутренний мир, семья крестьянина уже в междоусобице, брат пошел на брата и сын на отца, крестьянская земля треплется на рынке, как валящий зипун.

1912 г.

(Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 5. Стенографические отчеты.)

Интересно при этом мнение и другого бывшего министра финансов, докладчика в Государственном Совете, члена Государственного Совета [И.П.] Шипова, который кончил заверением, что протекший практический опыт показал, что и «при действии правил и порядка рассмотрения росписи возможна дружная и плодотворная работа». Я только не знаю, где он нашел эту дружную работу, при которой 3/4, если не 0,9 рассмотренных законопроектов Государственной Думы – важнейших, а не мелочей – погибли в тех заграждениях, о которых говорил председатель бюджетной комиссии? Я не знаю, где он нашел эту плодотворную работу, когда за пять лет Государственной Думы ни один крупнейший, серьезный вопрос, кроме изданных по ст. 87, не получил еще до сих пор своего разрешения, благодаря дружному сопротивлению верхней палаты?

1912 г.

(Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 5. Стенографические отчеты.)

Когда-то Добролюбов и Некрасов, шутя, писали, что Петербург – «столица новая, возникла при Петре», и что «она досель с Россией не срослась». Не Петербург не сросся с Россией, не срослось с Россией доселе ее правительство. Один из самарцев опубликовал после смерти председателя Совета министров Столыпина свои воспоминания о нём: покойный Столыпин ему, посмеиваясь, рассказывал, что он видел странный сон: он видел будто-бы русского мужика, одетого Гамлетом, крестьянин подавал ему дудку и повторял полные горького сарказма слова датского принца: «Закрывай пальцами одну за другою дыры, а в одну дуй и загудишь прекрасно». Все дыры, все окна, господа, все выходы пред страной закрыты и дудит одна на всю Империю полицейская дудка! Всё ей подчинено, всё ей приносится в жертву: народные интересы, народное богатство, развитие благосостояния, крепость, мощь страны, образование, университеты, всё пожертвовано одной цели – сдержать, охранить обветшалое, то что гибнет, во что бы то ни стало, хотя бы ценою великой государственной разрухи. Русская государственная черепаха едет, министр финансов, председатель Совета министров доволен ходом развития, а нам, господа, больно за Россию, стыдно за её управителей!

1912 г.

(Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 5. Стенографические отчеты.)

Ну, а господа националисты? Разве мы не видели, как они перекрашивались справа налево, в умеренных, в неумеренных, в зависимых, независимых, в центр, край – и так без конца. Что это такое? Прикажут вам, вы завтра ещё десять раз перекраситесь; прикажут вам, вы откажетесь от вашего прошлого названия и сочините десять новых программ. И когда В.Н. Львов заговорил здесь о русском консерватизме, я испытал чувство глубочайшего изумления. Я не знаю на Руси правильной и честной консервативной партии. В этом, быть может, наше горе. Я не знаю русских консерваторов, которые были бы действительно консерваторами, а не прислужниками [бюрократии]; я не знаю их идеологии, ибо она до сих пор не была высказана.

1912 г.

(Государственная Дума. Созыв 4. Сессия 1. Стенографические отчеты.)

Скука [в IV Думе] напоминает состояние пассажиров поезда, застрявшего на глухой станции. Чтобы рассеяться и сдвинуть поезд, пассажирам самим пришлось взяться за расчистку пути. Но все-таки, чтобы двинуть тяжелую законодательную машину, нужны силы не одних пассажиров. На наших реформах висят три замка – закон 3 июня, верхняя палата и безответственность исполнительной власти. Как откроются эти замки, – тихо и мирно или иным путем, покажет история. Оставаться совершенно безучастными современники не могут; они должны дружно налечь на весла...

1913 г.

(Из статьи, опубликованной в газете «Речь» в 1913 г.)

Никакая война не может оправдать ни слепоты, ни глупости власть имущих, порождающих и усиливающих внутреннее недовольство. Ведь довели же, было, во время Японской войны всей предыдущей политикой до того, что многие радовались поражению нашему, видя в нём не победу японцев, а поражение бюрократии. Слава Богу, теперь не такое настроение, но неужели они добиваются его перемены?

1914 г.

(Из письма)

Анализируя наш финансовый строй, сравнивая его с положением дела в других государствах, приходится отметить две его главнейших особенности: 1) *резкое развитие косвенного обложения в государственном бюджете* и 2) *чрезвычайную отсталость расходов местных органов самоуправления по сравнению с государственным бюджетом*. Отсюда происходит значительная тяжесть налогового бремени для широких масс необеспеченного населения и ничтожное развитие культурно-производительных расходов централизованного бюджета.

1914 г.

(Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник. 1864-1914. СПб., 1914)

Нигде нет такого высокого развития государственного бюджета по сравнению с местными, как у нас. Даже недавно начавшая развивать свои местные расходы Япония, даже централистическая и глубокобюрократическая Франция имеют более благоприятное распределение публичных расходов между государством и местными органами самоуправления. Для России, с её громадным протяжением, пестротой племенного населения, разнообразием районов и областей и столь же значительным разнообразием местных потребностей, *такая финансовая централизация должна отражаться столь же губительно, как и централизация политическая.*

1914 г.

(Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник. 1864-1914. СПб., 1914)

Наш хлебный экспорт – это экспорт при голодной норме потребления и, если мы попробуем учесть то количество хлеба, которое потребляет население, то вы увидите, что это такая голодная норма, чего нет ни в одной культурной стране. Это – не излишек, а ограничение своего собственного питания до последней степени. Наша статистика ужасна. По подсчету мы оставляем

у себя до 16 пудов хлеба на душу в год и до 20 пудов, считая со скотом. Если вы сравните потребление хлеба в Германии, я уже не говорю о Соединенных Штатах, то вы увидите, что там население питается лучше, ибо может оставлять большее количество хлебных запасов для себя. Если бы мы оставили у себя большее количество этих запасов, то моментально наш хлебный экспорт претерпит значительные изменения.

1914 г.

(Будущий русско-германский торговый договор // Известия Общества финансовых реформ. 1914. № 8)

Но я не думал бы, чтобы можно было сказать, что только промышленность платит налоги. Ну, знаете, платит, в конце концов, население, а не промышленность. Промышленность не платит, платит потребитель, а промышленность лишь передаточная инстанция. В лучшем случае, если она иногда и заплатит, то эти деньги возвращаются ей обратно. Я уже не говорю о винной монополии, где колоссальный акциз платит население. Конечно, надо говорить о том, что промышленность много даёт казне, но не надо преувеличивать того, что она даёт, надо разбираться в доходном балансе, она не платит не только половины этого баланса, не платит 1/3, а может быть и 1/4 [его].

1914 г.

(Будущий русско-германский торговый договор // Известия Общества финансовых реформ. 1914. № 8)

Боязнь земского объединения, вызывавшая административные репрессии по политическим соображениям, разрушала все попытки земских союзов даже хозяйственного и культурно-технического характера, несмотря на всю очевидную их жизненность, необходимость и пользу. Даже межгубернские земские совещания по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, даже попытки страховых и экономических соглашений считались долгое время недопустимыми. Все ходатайства земств в этом направлении или не получали ответа или встречали решительный отказ. Почти через 40 лет после земской реформы, едва ли не первой мерой в противоположном направлении, было разрешение (законом 16 декабря 1912 г.) взаимного земского перестрахования пожарных рисков и (законом 1906 г.) – земских товариществ для приобретения и продажи необходимых в сельском быту предметов.

1915 г.

(Земская и городская Россия (Прошлое и будущее) // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915)

Ещё в большей степени безапелляционное и бесконтрольное право администрации не утверждать земских и городских служащих по вольному найму приносило и приносит в местную работу большое расстройство. Административная борьба со злосчастным «третьим элементом» нередко совершенно опустошала ряды школьного, медицинского, технического и канцелярского персонала... Справки о «благонадёжности» здесь принимали характер долговременных, многомесячных и кропотливых исторических исследований чуть не всей прошлой жизни «кандидатов»; они собирались из негласных источников и предавали иногда полному отлучению [от земств] выдающихся и ценных работников. Органы самоуправления отчаивались найти «благонадёжных» служащих, а кочующий, волею местных властей, «третий элемент» тщетно искал возможности заработать скромный кусок хлеба в земских и городских учреждениях. Число подвергнутых «остракизму» в иные периоды достигало громадных размеров. Правительственные

ревизии Курского, Московского, Тверского и др. земств в 1902 г. особенно усердно налегали именно на крамольность и «захват власти» всё того же третьего элемента, а реакция 1906–1907 гг. целые категории земских служащих надолго отбросила от привычной работы.

1915 г.

(Земская и городская Россия (Прошлое и будущее) // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915)

Не входя в подробности специального вопроса о местных финансах, приходится лишь вкратце сказать, что для их улучшения в будущем необходима коренная реформа. Она должна не только ликвидировать остатки обязательных расходов, не только расширить местное обложение, уничтожив ограничения и изъятия, не только отменить фиксацию его ежегодного роста, но и передать в руки органов самоуправления такие реальные государственные налоги, как поземельный, подомовый и основной промысловый.

1915 г.

(Земская и городская Россия (Прошлое и будущее) // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915)

Продовольственный, дорожный, экономический вопросы осложнялись и затруднялись до крайности, народное образование и медицина развивались медленно, часто не встречая поддержки в местном населении, общественное призрение почти отсутствовало. Земские мероприятия часто оставались чуждыми для населения, которое не различало их от проявлений власти «земского» начальника. Смешение понятий, быть может, сознательно навязанное даже в самом названии, привело к тому, что даже слово «земский» скорее пугало крестьян, чем было понятно.

1915 г.

(Земская и городская Россия (Прошлое и будущее) // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915)

...Наступает момент, о котором говорил А.Ф. Бабянский— момент постановки лозунга: земля и воля! К сожалению, второе, т.е. волю, население всегда очень плохо понимало, и это тормозило наше политическое развитие. Сюда также должно быть направлено большое внимание. В вопросах о дороговизне, о финансах и т.д. надо вбивать в сознание масс, что единственный выход из затруднений лежит в получении «воли», т.е. в достижении известного минимума политических прав. Если замолчим, скажут, что господа ищут воли для себя, — и это будет страшнее, чем все страхи состоятельных классов. И пора уже поставить вопрос, как добиваться воли законодательным путем.

1915 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1)

Наша же выгодная позиция в том, что мы имеем огромный лозунг: мы подставили свои плечи под войну, мы отдали ей весь свой нравственный и политический авторитет, во имя её успешности требуем обновления внутреннего строя – и этот лозунг не только понятен стране, он ею поддерживается!

1916 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1)

Но и по существу, если бы мы ушли из [особых] Совещаний [по обороне государства], едва ли бы этот шаг поняла армия и страна. На членах Совещаний лежит большая ответственность. Там обсуждаются важные вопросы обороны, там осуществляется контроль над правительственной машиной, там разоблачаются злоупотребления. Вы скажете: «Уйди!» Но куда уйти? В собственный кабинет? На улицу? Мы, русские люди, слишком легко отходим в сторону. Вы скажете, что, если я ухожу, я не несу ответственности за то, что там происходит. Нет, все равно несу, остался или ушел: нельзя отказываться от активной работы в деле обороны. Уход при таких условиях был бы ошибкой, преступлением перед армией и страной!

1916 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1)

Неприемлем и сам метод повышения косвенного обложения. И наука, и общественная мысль здесь разошлись с министром финансов. Предлагается применить метод обложения продуктов акцизом; он крайне нежелателен – мягче была бы монополизация нескольких продуктов. Но не все обложение акцизное может быть заменено государственной монополией. Я в настоящее время занят вопросом о сравнительном значении акциза и монополии и прочел уже с десятков лекций на эту тему, причем заметим, что к казенной монополии в среде московских экономистов, преимущественно левых, преобладает отрицательное отношение, а у петербургских, также левых, – наоборот.

1916 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1)

Мы получили, продовольственное дело в отчаянном виде. В первый же день, когда мне пришлось войти в управление делами министерства, оказалось, что в некоторых частях нашего фронта хлеба осталось наполовину, а в некоторых городах хлеба не было совсем и призрак голода реял над большим пространством Российского государства. Самая организация дела была налажена чрезвычайно плохо. Органы местного самоуправления во многих случаях стояли совершенно не на высоте своей задачи, и население им не доверяло. Институт твердых цен был разрушен бывшим министром [земледелия] Риттихом. Никакой цены на хлеб не существовало, на каждой станции было несколько цен, в центре мы не могли понять, какая цена на месте. Под влиянием оплаты привоза в усиленной степени, под влиянием этой попытки, которую я иначе не могу назвать, как абсурдной, разрушить основу закона о земельной ренте возникло совершенно дикое извращение экономической жизни. Начались привозки на большие далекие станции, чтобы получить большую оплату за привоз. Все спуталось и перепуталось до последней степени; и в этих условиях приходилось начинать новую организацию. Самое количество запасов хлеба оказалось едва достаточным для того, чтобы дожидаться нового урожая, а невозможность доставки этого хлеба, получение его от населения и транспорт его в крупные центры и на фронт также висели на волоске, как и самая закупка хлеба, ибо транспортные средства и железные дороги оказались не в лучшем положении, чем продовольственное дело. В этих условиях приходилось обдумывать ряд

мер, которые могли быть осуществлены в жизни, и первая из них, неизбежная, горькая и печальная мера — взять в руки государства распоряжение хлебными запасами, как единственно возможная в данных условиях.

1917 г.

(Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1)

Видите ли, бюджетное право, по нашим законам переходного времени, является образчиком самого неполного, неясного и самого несовершенного бюджетного права из всех государств, о которых я только знаю. Оно составлялось в 1905–1906 гг., причем отразило на себе все, так сказать, особенности этой переходной эпохи – случайность редакции, неполноту, недомолвки и, вследствие крайней спешности работ, технические несовершенства и сознательное ограничение прав народного представительства. Как это ни странно, но ни в Основных законах, ни в сметных правилах, изданных незадолго до первой Думы, даже самого понятия о бюджете, о росписи, о бюджетных правах, как об особой главе прав народного представительства, совершенно не содержится, за исключением нескольких статей Основных законов и ряда статей Сметных правил 8 марта 1906 г. Если вы захотите искать, – что такое «бюджет», что такое «государственная роспись», то в законах переходного времени вы ничего [подобного] не найдете, и вам придется идти к сметным правилам 1862 г., составленным еще при [В.А.] Татаринове.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7)

Определяли права расходования денег Сметные правила 8 марта 1906 г. Интересна дата, когда они были изданы – почти накануне созыва I Думы. Эти правила, как потом мне и целому ряду других исследователей-финансистов удалось доказать, были приготовлены для думы «булыгинской». Затем после 17 октября, слегка переписанные, остались почти в неизменном виде для Думы законодательной. Таким образом, то, что было приготовлено для совещательного органа, было оставлено для органа законодательного и оказалось в полном несоответствии с пониманием конституционных прав народного представительства в области бюджета. В этих сметных правилах находится целый ряд статей самых удивительных, самых ограниченных и, я бы сказал, самых абсурдных.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7)

Собственно, неполнота бюджетных прав Думы создавала чрезвычайно тяжелое положение в области работ бюджетной комиссии. Вместо обсуждения существа [дела], Дума проводила целые дни и даже недели в обсуждении того, «законно» это или «незаконно». Производились архивные изыскания (в некоторых случаях легальные титулы доходили до конца XVIII в.), всё для того, чтобы доказать, законен или незаконен такой-то расход. Составлялись целые книги по каждому министерству. В бюджетной комиссии [вы] у нас [при желании] найдете целые тетради напечатанных легальных титулов, соответствующих расходов всех старых законов по министерствам. По Министерству внутренних дел этот сборник легальных титулов достиг 1000

страниц, причем он начинается указом Петра I 1723 года по поводу какой-то Рижской богадельни, а именно по поводу расхода в несколько десятков ефимок. Это показывает, с какой «археологией» мы имели дело.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

Таким образом, последний бюджет [на 1915 и 1916 гг.] являлся, в сущности говоря, набором цифр, весьма мало имеющих отношение ко всему [совокупному реальному] бюджету. Но такая двойственность бюджета давала право Министерству финансов играть цифрами почти как ему угодно. Приведу несколько примеров. Ввозится масса казенных грузов. С них берется таможенная пошлина. Показывается доходами по нормальному бюджету. Но кто платит эти пошлины? Конечно, казна. Откуда платит? Из военного фонда. Таким образом, военный фонд нам неизвестен, но доход таможенный в количестве ста и больше миллионов показывается, как доход. Казна перевозит по железным дорогам массу солдат и грузов. Получается огромная сумма новых доходов по казенным железным дорогам. Но кто же платит? Казна. Откуда? Из военного фонда. Казна учитывает в Государственном банке огромную массу своих векселей, так называемых «краткосрочных обязательств», банк взимает за них 5%, и получаются десятки и сотни миллионов дохода. Кто их выплачивает? Сама же казна. Где они показываются? Нигде. Они вычитываются из той суммы, которую дает Государственный банк...

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

Дело в том, что у нас [в думских комиссиях] работа была организована так: докладчики вначале просто сами лично сносились с ведомствами, выясняя всё, что нужно, затем, устраивались маленькие заседания, в которых бывали другие члены бюджетной комиссии, так называемые, содокладчики по данной смете; два-три-четыре человека занимались этой сметой, один из них был докладчиком. В работах по Кредитной канцелярии, по Крестьянскому банку, по Министерству земледелия, одним словом, по хозяйственной, кредитной и финансовой сметам, я постоянно участвовал, но по Министерству внутренних дел докладчиком я никогда не был, потому что нельзя было всем заниматься, не хватало времени.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

Что же сказать – была картина полного расстройтва и беспорядка. Прежде всего, была обнаружена основная ошибка, не знаю чья – Генерального штаба или Военного министерства, как такового. Масштаб всех заданий оказался совершенно несоответствующим масштабу войны, т.е. количество запасов, исчислявшихся как артиллерийским, так и военно-техническим снабжением, совершенно не соответствовало тому, что затем оказывалось необходимым в расходовании снарядов, патронов, количества орудий, проволоки для защиты, телефонных снабжений. Словом, за какой бы предмет мы ни брались, основная ошибка и дефект дела организации обороны заключались в том, что требования войны не были предвидены, и вся подготовка не

соответствовала масштабу войны. Была ли основная ошибка результатом неумения, недогадливости, непредусмотрительности или злого умысла, я не знаю. Я лично объяснял ее себе исключительно недогадливостью, недостаточной предусмотрительностью, может быть недостаточным знакомством с тем, что делалось в Германии.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

Следовательно, начало войны застало нас абсолютно неподготовленными во всех отношениях. Вопрос о выступлении Англии решался в момент самой войны. Договор с Союзниками у нас был весьма слабо обоснован. Финансово-экономической подготовки не было никакой. Когда началась война, [министр финансов П.Л.] Барк ездил для финансового соглашения за границу. Военно-техническая подготовка была ниже всякой критики, и большая военная программа была принята Думой за месяц до открытия военных действий. Это было очень тяжелым предзнаменованием того, что нас ждет. Всё последующее развертывалось из этого исходного положения.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

В сущности, мы имели в начале 1917 г. богатую снабжением армию, которая ничего похожего не имела с тем, что было во время катастрофы 1915 г., но оказалось, что было уже поздно, и начались события, которым уже не помогла военная техника. При работах в военно-морской комиссии [Думы] у нас велись журналы, стенограмм не было, потому что некоторые действия считались секретными, была масса всяких технических подробностей. Но каких-нибудь эпизодов, которые бы указывали на крайнюю степень преступности, злоупотреблений, за всё время моего председательствования не было.

1917 г.

(Показания А.И. Шингарева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. М.;Л., 1927.Т. 7)

Темные, озлобленные люди, отбросив недавнего вождя Церетели, идут в бунтарство. Дело идет к расстрелу, т.к. слова бессильны. Мы вступаем в этот период, и в Москве [на Государственном совещании] не было смелости сказать это. И в перспективе уже показывается диктатор. А.В. Карташёв задается вопросом, не приходится ли уже партии конституционалистов-демократов остаться не у дел? Этот вопрос мучит и меня. Если бы даже диктатура после кровавых расстрелов захотела опереться на умеренные слои и обратилась к кадетам с предложением спасти отечество, в каком положении очутилась бы партия, принявши эту историческую миссию?

1917 г.

(Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 3)

Бывают моменты, когда личная безопасность политического деятеля должна отступить перед его общественным долгом. На 28-е [ноября 1917 г.] назначено открытие Учредительного собрания. Я и другие, избранные в члены собрания, должны быть в назначенное время на месте.

– Поехал и, хотя приходится писать теперь сидя в каземате неизвестно за что, всё же не раскаиваюсь. Пусть население знает, кто срывает Учредительное собрание, кто насилует свободу народа.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Комиссары обсуждали наше «дело» довольно долго. Кто-то нам передавал, что идут споры. Уже не знаю, как и по какому поводу спорили «властители» социалистической революции, но их решение может поспорить с Шемякиным судом. Без дальнейших проволочек, без следствия, допроса свидетелей и пр. мы, как члены партии кадетов, как и вся партия, были объявлены «врагами народа, подлежащими суду революционного трибунала».

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

От старого режима достались новой «диктатуре» достаточно обширные тюрьмы. Но ведь новый «режим» может и превзойти своего предшественника. Дорвавшись до власти, он дёшево её не захочет отдать. Он не изжил ни своей идеологии, ни своего, увы, обаяния для тёмной массы, как это случилось с царским самодержавием. А потому он циничнее и храбрее. Ему всё ни по чёму. Вчера в «Дне» прочёл характеристику Ленина, написанную Неведомским. Какое поразительное сходство, т и п и ч н о е, с Петром Верховенским из «Бесов». Гениальная картина Достоевского, возникшая по поводу процесса Нечаева, только теперь понятна своей проникновенностью и пророческой прозорливостью. Разве не исполинская нечаевщина охватила Россию и мучит её в кровавом кошмаре... Только скоро ли бесноватые исцелятся, и бесы ринутся в стадо свиней?

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Оторванный от событий, лишённый какой-либо активной возможности проявить во вне свою волю, свою мысль, даже не зритель, а запертый в четырёх стенах «читатель» совершающихся событий – роль, мало подходящая для людей с моим темпераментом и ещё достаточно пригодных к работе.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Но одного я не понимаю, то, чего не мог понять никогда. Как эта вера в величайшие принципы морали или общественного устройства может совмещаться с низостью насилия над инакомыслящими, с клеветой и грязью. Тут или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояние, наконец, которое английские психиатры определяют понятием *moralinsanity* – нравственное помешательство, неспособность различить добро и зло, слепота и глухота к низкому, подлому, преступному. Фигуры Ленина и Луначарского мне представляются принадлежащими к этой последней категории.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Наивно и близоруко думать, что революцию можно делать или не делать: она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей. Сколько раз её пробовали «делать» и погибали от равнодушия окружающих и преследования врагов. Она приходит, как ураган и уходит чаще всего тогда, когда никто не подозревает её близости, или все верят в её прочность. Задержать революцию – такая же мечта, как и продолжить или углубить её. Кто задержит бурю, и кто её остановит? Многие предчувствовали её возможность, многие предвидели и предчувствовали её появление у нас, особенно начиная с осени 1916 года; никто не волен был ни её предупредить, ни даже изменить её формы. Все, кто себя упрекает, или собою гордится за время революции, могут это делать лишь по отношению себя самих. Изменение их поведения ничего не смогло бы изменить в ходе развития революции. Это не фатум и не детерминизм. Это логическое развитие событий в громадном масштабе под влиянием громадной величины движущих сил.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Революция была неизбежна, ибо старое изжило себя. Равновесие было нарушено давно, и в основе русской государственности, которую недаром мы называли колоссом на глиняных ногах, лежали тёмные народные массы, лишённые государственной связи, понимания общественности и идеалов интеллигенции, лишённые часто даже простого патриотизма. Поразительное несоответствие между верхушкой общества и его основанием, между вождями государства в прошлых его формах, а также и вождями будущего и массой населения – меня поразило ещё в юности, с первых лет университетской жизни. Оно представляло собой не только опасность для существующего порядка, это была бы не беда, оно представляло громадную опасность для государства. Тогда эти мысли привели меня к заключению о необходимости сближения верха с низом, установления связи прочной и реальной.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Пока большевики у власти, мы будем сидеть; когда их прогонят, мы будем свободны. Но впрочем, что могут наши теперь сделать решительного? Ничего. Ещё один «решительный протест», которыми полны газеты. Большевики, как немцы, понимают лишь один аргумент – силу. Пока её нет, разговаривать с ними бесполезно. Взывать к обществу, к гражданам – да это можно. Я это делал всё время, пока был на свободе, но как мало это значит в ходе событий. Карташёв в своём письме правильно заговорил об основной мысли «Войны и мира» – ничтожности результатов усилий отдельных, даже гениальных, людей. Я уже во многих подмечал то же наблюдение, и сам его как-то написал в «Русских Ведомостях». Да, иная Воля движет этими массами людей и иной Разум, но мы не знаем их и не видим их намерений.

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)

Как жаль даже эти немногие дни сидеть бессмысленно и бесплодно здесь, в глухих стенах. Я не знаю, скоро ли кончится это глумление над свободой, эта жестокая и нелепая, по существу бесцельная борьба с мифическими контрреволюционерами, но я знаю хорошо: она не вызывает

во мне личной злобы, но надолго оставит жгучую горечь и боль за поругание идейных основ свободного государства. Как много было прекрасных надежд в прошлые годы, которые так жестоко разбивались действительностью. Теперь надежд немного, и они очень скромны. Но оправдает ли и их действительность наступающего года. События, повторяющиеся в столетия раз, необъятные по своим последствиям и невиданные в Истории по своим размерам, в России пришлось на долю поколения без больших, гениальных людей. «Народная» война, народная революция без героев, с одной толпой, без плана и системы, с одними рефlekсами, как всегда в толпе, – вот что заполняет перед глазами современников весь горизонт. Нам не видно просвета, и никто не ведёт по дороге, да и некому вести. Больше, чем когда-либо, мы имеем дело с историей масс, и нет истории лиц. Меньше, чем когда-либо, можно предвидеть ближайшее будущее...

1917 г.

(Как это было. Дневник А.И. Шингарева. М., 1918)